

ВОСПОМИНАНИЯ Г. К. ФЕДЯЕВСКОГО

Экономиста 1-го приема 1902 года.

Волею судьбы я оказался одним из старейших среди бывших студентов, празднующих 50-летие со дня основания С.-Петербургского Политехнического Института.

Я хочу по этому случаю поделиться некоторыми воспоминаниями, связанными с открытием Института и его жизнью в первые годы его существования.

Прибывши в Петербург накануне открытия 1-го октября утром, я прямо с вокзала на извозчикъ поѣхалъ въ Институтъ. Путь долгій черезъ Литейный мостъ, мимо Клиники Виллье, по Бол. Самсоніевскому и Бол. Парголовскому проспектамъ и по довольно пустынной пригороду Петербурга, черезъ Лѣсной до Сосновки; отъ Николаевскаго вокзала около 10 верстъ.

Въ сосновомъ бору высилось величественное, выдержанное въ благородныхъ линияхъ ампира, зданіе съ характерными колоннами фасада. До вѣзда на террицію Института справа въ лѣсу были расположены профессорскіе дома; за Главнымъ зданіемъ находилось уже законченное и отдѣланное 1-ое Общежитіе студентовъ. Всюду шли еще работы. Постройка нѣкоторыхъ зданій, какъ напримѣръ, зданія электротехнической станціи, не была еще закончена.

Всѣхъ прибѣжающихъ принималъ профессоръ--завѣдующій студентами Вл. Вл. Скобельцынъ. Высокій, статный, прекрасной вѣншности человекъ, онъ производилъ самое располагающее къ себѣ впечатлѣніе и своей манерой обращенія, и своей нескрываемою друженностью по отношенію къ студентамъ и внима-

ніемъ къ нуждамъ каждаго изъ насъ. Я взялъ отдѣльную комнату, за что взималось 25 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ (т. е. включая ѣду и даже стирку бѣлья). Комнаты были высокія и свѣтлыя. Въ комнатѣ была прекрасная кровать со всѣми принадлежностями, тумбочка, шкафъ для платья и бѣлья, письменный столъ, кресло къ нему и 2 вѣнскихъ стула. Каждая комната была снабжена умывальникомъ съ краномъ проточной воды. Въ томъ же зданіи находились очень большая столовая и кухни, равно какъ и большой залъ для собраний. Въ каждомъ этажѣ имѣлись приемная для посетителей, служившія также и мѣстомъ засѣданій различныхъ студенческихъ организацій.

Главное зданіе Института поражало своимъ просторомъ, высотой, свѣтомъ. Сильное впечатлѣніе производили огромные безконечные коридоры, просторныя аудиторіи, нѣкоторыя исключительно помѣстительныя, расположенныя амфитеатромъ; отдѣльные кабинеты для практическихъ занятій небольшими группами, лабораторіи для техническихъ отдѣленій, бібліотеки и т. д. Величественная лѣстница при главномъ входѣ и огромный актовъ залъ. Все бѣлое, всюду масса свѣта и пахнѣтъ свѣжевыструганнымъ паркетомъ.

На слѣдующее утро, 2 октября, состоялось официальное открытіе Института. Въ актовомъ залѣ, еще незаконченномъ отдѣлкой, собралась довольно значительная группа профессоровъ, преподавателей и приглашенныхъ и едва такая же, если не меньшая, студентовъ. Не всѣ еще сѣхались. Всѣ стояли; въ залѣ не было никакого убранства; въ углу гора еще не разставленныхъ стульевъ. Въ серединѣ зала аналой. Служить молебнѣ отецъ Григорій Петровъ. Его манѣра службы, такъ отличающаяся отъ обычной, произносимой на распѣвъ, производила очень сильное впечатлѣніе своею проникновенностью. Его заключительное привѣтственное слово послѣ молебна, напутствующее насъ на открывающійся для насъ новый жизненный путь, было вдохновеннымъ.

Полит. Инст. — Актовый Залъ.

Основатель Института, С. Ю. Витте, на открытии не присутствовал, как равно и его ближайший сотрудник, В. И. Ковалевский. Краткой официальной речью Институт был объявлен открытым товарищем Министра Финансов Романовым. Государю в Ливадію была послана вѣрноподданческая телеграмма.

Послѣ Романова произнесъ краткую рѣчь директоръ Института, князь А. Г. Гагаринъ. Князь совершенно не обладал даромъ слова. Всѣ испытали нѣсколько секундъ тягостнаго ожиданія. Стоявшій сзади князя профессоръ Посниковъ старался подсказать ему необходимыя слова, но этимъ еще болѣе увеличилъ его смущеніе.

Затѣмъ произнесъ рѣчь деканъ Экономическаго Отдѣленія профессоръ А. С. Посниковъ. Одна фраза этой рѣчи, сохранившаяся въ моей памяти, характеризуетъ въ извѣстной степени господствующіе тогда взгляды широкихъ общественныхъ круговъ. «Можно удивляться», сказалъ онъ, «что наша страна затрачиваетъ такую огромную сумму въ 5 милліоновъ золотыхъ рублей на постройку этого Института; но если сопоставить, что затраты на постройку одного броненосца доходятъ до 7 милліоновъ рублей, то эта затрата не покажется чрезмѣрной, но оправдываемой насущною необходимостью».

Никакихъ болѣе рѣчей не произносилось. Открытіе было чрезвычайно скромно, безъ всякой помпы.

Всматриваясь въ группу профессоровъ и преподавателей, нашихъ будущихъ учителей и руководителей. Кто этотъ приземистый старикъ съ огромнымъ лбомъ, съ широкимъ простымъ крестьянскимъ лицомъ, съ падающими до плечъ прямыми изжелта-сѣдыхъ волосъ? Это знаменитый химикъ Д. И. Мендѣлѣевъ. Рядомъ съ нимъ съ суровымъ лицомъ профессоръ Меншуткинъ. Мы всѣ первокурсники, экономисты перваго приѣма, прошли черезъ его руки. Съ нами онъ былъ снисходителенъ и если съ натяжкой, чтобы не провалить, ставилъ «удовлетворительно», не забывалъ брать съ насъ слово, что

мы никогда никому не скажемъ, что учились химіи у Меншуткина!

Въ тотъ же день, послѣ молебна и рѣчей въ актовомъ залѣ, всѣ экономисты сошлись въ одной изъ большихъ аудиторій, гдѣ А. С. Посниковъ прочелъ свою первую лекцію по политической экономіи. Умное, властное лицо. Густые сѣдые волосы и очень проницательные глаза изъ-подъ нависшихъ темныхъ бровей. По своему уму, организаторскому таланту, страстности и настойчивости въ отстаиваніи своихъ точекъ зрѣнія, онъ игралъ въ Совѣтѣ Института выдающуюся и первостепенную роль. По мѣрѣ своихъ силъ А. С. Посниковъ старался, будучи деканомъ Экономическаго отдѣленія, а позже Директоромъ, ввести дисциплину въ жизнь Института и особенно въ жизнь студентовъ. Его побавлялись и студенты и молодые доценты и преподаватели. Его первая лекція была своего рода введеніемъ къ изученію политической экономіи. Въ заключеніе, онъ призывалъ насъ всѣхъ всегда цѣнить и любить единственного вѣрнаго и неизмѣннаго друга — книгу.

Составъ Экономическаго отдѣленія въ первые годы его существованія былъ блестящій: А. С. Посниковъ, И. И. Иваноковъ, А. Г. Гусаконъ, Н. И. Карѣевъ, В. Э. Денъ, М. А. Дьяконовъ, В. М. Гессенъ, А. А. Чупровъ, В. Б. Ельяшевичъ, И. М. Гревсъ, бар. Б. Э. Нольде, М. И. Фридманъ, М. В. Бернацкій, В. Р. Идельсонъ и А. Э. Вормсъ. Позднѣе въ его составъ вошли такіе видные ученые, какъ П. Б. Струве, М. М. Ковалевскій, Ю. С. Гамбаровъ, Туганъ-Барановскій и Петрушевскій. Кромѣ того, профессоръ Меншуткинъ намъ читалъ химію, профес. Скобелыинъ физику и директоръ Кредитной Канцеляріи Б. Ф. Малешевскій теорію вѣроятностей. Первый годъ мы, экономисты, были очень перегружены занятіями. Отчасти это объясняется тѣмъ, что иные профессора, курсы которыхъ должны были начинаться только во второмъ году, читали временно курсы на совершенно инныя темы. Такъ напримѣръ, проф. Гусаконъ, который долженъ былъ читать курсъ граждан-

скаго права лишь въ слѣдующемъ году, читать своего рода очеркъ по матриархату и настаивать, чтобы мы ознакомились съ его капитальнымъ трудомъ по этому вопросу.

Занятія постепенно входили въ свою норму. По статистикѣ, по экономической географіи, по исторіи писались рефераты, дѣлались доклады, которые потомъ обсуждались въ тѣсной группѣ, подъ руководствомъ нашихъ профессоровъ. Мы, первокурсники, по преимуществу юнцы*), послѣ дисциплины средней школы получили сразу почти неограниченную свободу. Петербургъ съ его соблазнами, театры, музеи, все это по началу не могло не увлекать и не захватывать многихъ изъ насъ, въ особенности провинціаловъ. При такомъ положеніи, какъ мнѣ представляется, установленіе обязательныхъ контрольных репетицій благотворно повліяло бы на успѣшность нашихъ занятій и сдѣлало бы прохожденіе курсовъ, въ первые годы, значительно болѣе продуктивнымъ.

Мнѣ хотѣлось бы помянуть добрымъ словомъ всѣхъ нашихъ учителей. Но коснусь лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно ярко сохранившихся въ моей памяти. Какъ живого вижу милого Ив. Ив. Иванюкова, такъ сердечно относившагося къ каждому изъ насъ. Я не знаю, чего бы только онъ не сдѣлалъ, чтобы выводить изъ бѣды кого-нибудь изъ студентовъ. Лекціи Вл. Матв. Гессена и Вас. Бор. Ельяшевича были очень интересны. Онѣ захватывали насъ и несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ и особенно вдохновенностью ихъ изложенія.

Первая лекція И. М. Гревса (методологія къ изуче-

*) Принятые по конкурсу аттестатовъ «первые ученики», какъ общее правило въ нашей средней школѣ, были самыми младшими по возрасту въ классѣ — рѣдко старше 18 лѣтъ.

Прим. Ред.

нію исторіи) произвела на меня сумбурное впечатлѣніе. Какъ будто все говорилось на русскомъ языкѣ, хотя и съ массою иностранныхъ словъ, но все это было такъ отвлеченно, такъ непривычно для слуха только что окончившаго гимназиста, что я ничего не понималъ. Потомъ, въ дальнѣйшемъ, все это сгладилось и вошло въ норму. Монотонныя лекціи проф. Карѣева привлекали все менѣе и менѣе слушателей. Полагая, что наше знаніе, полученное въ средней школѣ по Иловайскому, недостаточно, онъ заставилъ насъ повторить курсъ средней школы по своимъ учебникамъ и дѣлалъ намъ регулярныя репетиціи. Все это намъ не слишкомъ нравилось, но по существу эта мѣра была очень цѣлесообразной.

Какъ профессоръ и лекторъ, А. А. Чупровъ обладалъ простою и ясною рѣчью и особою чеканностью изложенія. Вопросъ, понятны ли его лекціи только что пріѣхавшей съ гимназической скамьи молодежи, очень его волновалъ. Онъ не снижалъ своей рѣчи до уровня пониманія аудиторіей, но онъ какъ-то умѣлъ самое отвлеченное понятіе, самую сложную мысль сдѣлать ясной и легко усвояемой. Всѣгда ровный, тихій и спокойный, необычайный труженикъ, съ подвижническою любовью отдающийся своему дѣлу учителяства, онъ былъ, дѣйствительно, учителемъ въ полномъ значеніи этого слова. На кафедрѣ или въ семинаріи, въ болѣе тѣсной семьѣ своихъ учениковъ, онъ съ какою-то разительною увлекательностью и простотой излагалъ свой предметъ и заставлялъ его полюбить. И многіе, дѣйствительно, учились и становились его достойными учениками. Исключительно занятый, посвящающій весь свой досугъ отъ профессорской работы научнымъ изслѣдованіямъ, распредѣляя свой день съ удивительною и неутомимой точностью, Александръ Александровичъ въ то же время былъ доступенъ для cadaго. Пишущему эти строки и его друзьямъ часто приходилось искать у него совѣта и поддержки. Въ юношескую пору жизни такъ цѣнно ласковое, бодрящее слово учи-

теля. И онъ давалъ его всегда съ отѣскою любовью и участіемъ*).

Отличительной чертой первыхъ годовъ жизни Института была исключительная близость между профессорской и студенческой средой. Не разъ очень многіе изъ насъ въ трудныя минуты студенческой жизни обращались за совѣтомъ къ тому или иному профессору и всегда получали самый радушный дружескій пріемъ и поддержку. Отношенія ихъ съ нами были очень простыя, можно сказать, просто товарищескія. Вспоминаю экзаменъ по Государственному праву у Вл. Матв. Гесена. «Вы, Федяевскій», говоритъ онъ, — «неправильно излагаете этотъ вопросъ и путаетесь». — «Да, въ вашихъ лекціяхъ, профессоръ, этотъ вопросъ не особенно ясно изложенъ». — «Ну это, милый другъ, что называется съ большой головы, да на здоровую»... Все закончилось общимъ смѣхомъ и профессора и присутствующихъ.

Сегодня особенное оживленіе. Самая большая аудиторія-амфитеатръ биткомъ набита студентами всѣхъ отдѣленій. Сейчасъ будетъ лекція Максима Максимовича Ковалевскаго. Высокій, огромный, съ очень крупными чертами лица, онъ производилъ уже своею внѣшностью сильное впечатлѣніе. Излагая то или иное явленіе въ исторіи народовъ определенной эпохи онъ чрезвычайно образно, ясно и понятно обрисовывалъ его мѣсто въ историческомъ процессѣ, давая выпуклую картину, какъ это явленіе развивалось и какъ оно отражалось на жизни различныхъ народовъ этой эпохи. Блестящій ораторъ «Божіею милостію», необычайный разносторонній ученый, энциклопедистъ въ полномъ

* Загадочная аномалія: этотъ типичнѣйшій ученый, въ очкахъ и бородѣ, съ характернымъ русскимъ лицомъ, со страстью увлекался боемъ быковъ. Онъ лично говорилъ пишущему эти строки, также увлекавшемуся этимъ зрѣлищемъ, объ этой своей страсти и о почти ежегодномъ посѣщеніи Испаніи во время лѣтнихъ каникулъ.

Прим. Ред.

значеніи этого слова, онъ захватывалъ всѣхъ слушателей своею рѣчью, изумляя ихъ своимъ размахомъ, своею силою, своеобразною красотою своего изложенія.

Время, когда мы учились, особенно 1905 годъ, было очень тревожнымъ. Японская война, революціонное движеніе по всей Россіи, шестіе рабочихъ подъ водителствомъ Гапона къ Зимнему Дворцу и ихъ разстрѣлъ, манифестъ 17 октября. Все это, конечно, отражалось на правильномъ ходѣ занятій. Митинги и сходки по самымъ разнообразнымъ поводамъ, почти всегда носившіе политическій отгѣнокъ, создавали нервную, тяжелую атмосферу. Полное отсутствіе надзора сдѣлало то, что на сходки и митинги въ Главномъ зданіи и въ общежитіи приходили совершенно постороннія для Института лица. Часто, заходя въ какую-нибудь пріемную въ общежитіи, приходилось тамъ застаивать собраніе совершенно незнакомыхъ намъ лицъ. Трудно все это ставить въ вину дирекціи Института. Обстановка въ странѣ, а въ особенности въ столицѣ, была исключительной. Возбуждавшееся революціонное море захлестывало и всѣхъ насъ.

Выхожу однажды поздно вечеромъ на лѣстницу общежитія, привлеченный шумомъ и усиленнымъ движеніемъ по коридорамъ и вижу, что вся площадка лѣстницы 2-го этажа заставлена принесенными изъ лабораторіи техническихъ отдѣленій бутылками съ сѣрной кислотой и другими химическими жидкостями. Рядомъ съ бутылками огромные чѣрпаки для разбрызгиванія этихъ жидкостей на атакующихъ. Къ счастью, ожидаемое въ этотъ вечеръ нашествіе «черной сотни» Самсоновской мануфактуры на нашъ Институтъ не состоялось или было остановлено во время и этимъ было предотвращено побоище съ примѣненіемъ ядовитыхъ жидкостей, могущее для всѣхъ участниковъ закончиться трагически.

Въ день 17 октября 1905 года волненіе было необычайное. Собрались въ актовомъ залѣ. Говорились рѣчи, шумѣли. На короткое время пришелъ Князь; по-

слѣ нѣсколькихъ его словъ, подтверждавшихъ подписаніе Государемъ манифеста, волненіе достигло своего апогея. Князя окружили, и онъ едва выбрался отъ студентовъ, хотѣвшихъ его качать. Мы долго не спали въ этотъ вечеръ. Далеко за полночь у телефона въ вестибюль общежитія толпились нѣсколько студентовъ. Кому-то пришло въ голову позвонить Трепову*), чтобы проверить извѣстіе о подписаніи манифеста. Къ телефону сейчасъ же подошелъ Треповъ и на вопросъ, действительно ли подписанъ манифестъ Государемъ, онъ отвѣтилъ: «да, подписанъ; но оставляйтесь въ предѣлахъ законности», добавилъ онъ. Окрыленный такою легкостью въ вызовѣ по телефону высокопоставленныхъ лицъ, главный зачинщикъ позвонилъ и къ Министру Финансовъ Коковцову, т. е. нашему высшему начальству. Но здѣсь дѣло не прошло такъ гладко. Коковцовъ отвѣтилъ, что подписанъ ли манифестъ онъ не знаетъ, но что онъ удивленъ, что его беспокоютъ въ такой поздній часъ и просилъ его оставить въ покоѣ!

Въ февралѣ 1907 г. я встрѣтилъ въ общежитіи земляка, бывшаго офицера полка, нѣкогда расквартированного въ Воронежѣ (гдѣ я учился въ гимназій), Мазуренко. Онъ уже давно оставилъ военную службу, былъ социалистомъ-революционеромъ и находился на нелегальномъ положеніи. Онъ просилъ меня, ввиду поздняго времени устроить его ночевать въ общежитіи. Я отдалъ ему свою комнату и отправился ночевать къ пріятелю, въ двойную комнату въ первомъ этажѣ. Около 4 часовъ утра мы были всѣ разбужены шумомъ и бѣготнею по коридорамъ. Выяснилось, что общежитіе оцѣплено и что идетъ повальный обыскъ. Я быстро поднялся въ свою комнату. Мазуренко былъ еще тамъ и просилъ меня указать ему выходъ, чтобы избѣжать

*) Петербургскій генералъ-губернаторъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, — а въ сущности диктаторъ, какъ пишетъ о немъ Витте въ своихъ «Воспоминаніяхъ». (Томъ 2-й, стр. 67).

Прим. Ред.

ареста, тѣмъ болѣе, что онъ былъ прописанъ по чужому паспорту и этимъ подводилъ его собственника. Никуда его запрятать не удалось, а вывести тѣмъ болѣе, такъ какъ всѣ выходы были заняты. Онъ былъ арестованъ. Всей операціей руководилъ извѣстный пріставъ Станковскій. Когда я подошелъ къ своей комнатѣ, у ней стоялъ жандармскій офицеръ. Онъ не препитствовалъ мнѣ войти въ комнату и бѣдствовать съ Мазуренко. Въ открытую книгу Финансоваго права я записалъ адресъ того лица, которое дало свой паспортъ Мазуренко, чтобы его предупредить о случившемся. Около 10 часовъ все было закончено, арестованные уведены. Ходили слухи, что въ нашемъ Общежитіи было найдено много революціонной литературы и 2 бомбы. Я спѣшно отправился въ Петербургъ предупредить собственника паспорта. Я очень волновался судьбою Мазуренко, боясь, какъ бы къ нему не пристегнули, якобы найденныя у насъ бомбы. Каково же было мое удивленіе, когда, приблизительно черезъ 2 или 3 недѣли, Мазуренко совершенно легально пріѣхалъ повидать меня и успокоить, что вся эта исторія ничѣмъ не пріятнымъ для него не кончилась, Станковскій хотѣлъ раздуть это дѣло и пристегнуть, какъ я и предполагалъ, къ бомбамъ Мазуренко, но, когда ему удалось доказать свою къ этому непричастность, то онъ былъ тотчасъ же освобожденъ.

Князь Гагаринъ былъ отданъ подъ судъ и, по случайно сложившимся обстоятельствамъ, я присутствовалъ на засѣданіи Особого Присутствія Правительствующаго Сената*) при участіи сословныхъ представителей, на которомъ разбиралось дѣло.

Братъ моего коллеги по Институту, Георг. Александр. Стаховичъ, служившій въ Сенатѣ, былъ прикомандированъ въ качествѣ секретаря къ этому Особому Присутствію. Я былъ въ форменной тужуркѣ нашего Ин-

*) Засѣданіе Присутствія было не публичнымъ.

Прим. Ред.

ститута. Георг. Александр. съ одной стороны и, кажется, гр. Ламбсдорфъ съ другой, оба въ мундирахъ, взяли меня подъ руки и подъ своимъ покровительствомъ, ввели меня не легально въ залъ суда. Въ это время читался «обвинительный актъ», гдѣ, между прочимъ, послѣ упоминанія объ обнаруженныхъ при обыскѣ революціонной литературы и бомбахъ, съ особымъ удареніемъ отмѣчалось, что въ одной изъ комнатъ общежитія былъ арестованъ извѣстный революціонеръ Мазуренко. Я сидѣлъ какъ на иголкахъ и чуть не крикнулъ, что Мазуренко давно выпущенъ и что къ нему не было предъявлено никакого обвиненія. Сенаторы сидѣли въ креслахъ на возвышеніи, тамъ же были и Князь, но стоя. Онъ невнятно отвѣчалъ на вопросы и былъ въ сильномъ волненіи. Мнѣ стало тяжело; бѣдный, милый нашъ Князь. Мы всѣ конечно были очень виноваты передъ нимъ, не сумѣвъ установить и поддерживать въ нашемъ общежитіи необходимый порядокъ и тѣмъ отплатить ему за его сердечную доброту, за его постоянныя заботы о насъ.

Среди студентовъ экономистовъ первыхъ годовъ было немало выдающихся, способныхъ и интересныхъ людей. Съ нѣкоторыми изъ нихъ меня связали тѣсныя дружескія узы. Въ первую очередь упомяну Леон. Наум. Юровскаго. Способный, очень энергичный и настойчивый, онъ выделялся изъ окружающей его студенческой среды своею культурностью, своею сдержанностью и, въ то же время, страстностью и настойчивостью въ защитѣ своихъ убѣжденій. Проведя однажды рождественскіе каникулы у меня въ Воронежѣ, онъ, несмотря на праздничное время, довольно шумно справляемое въ провинціи, нашелъ возможность собрать необходимые матеріалы въ статистическомъ отдѣленіи Губернск. Земск. Управы и написалъ очень цѣнную и оригинальную работу, которая, по словамъ А. А. Чупрова, которому онъ далъ ее на прочтеніе, несомнѣнно была бы зачтена, какъ одна изъ лучшихъ кандидатскихъ работъ. Леон. Наум. занималъ при Совѣтской власти очень крупный постъ въ Комиссаріатѣ Финан-

совъ. Раза три онъ прѣзжалъ за границу. Каждый разъ мы встрѣчались, проводя съ нимъ нѣсколько часовъ въ задушевной бесѣдѣ. Онъ былъ увлеченъ своей работой въ области денежнаго обращенія и кредита и вообще смотрѣлъ на будущее довольно бодро. Въ послѣдній его прѣздъ настроеніе его сильно измѣнилось; создавалось впечатлѣніе, что онъ начинаетъ сомнѣваться въ продуктивности своей работы и будущее ему рисовалось въ болѣе мрачныхъ краскахъ. Арестованный и судимый съ группою другихъ лицъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ своей послѣдней поѣздки за границу, онъ былъ присужденъ къ 10 годамъ поднадзорной ссылки въ отдаленномъ захолустномъ мѣстечкѣ Московской области. Лишенный заработка, кромѣ случайной литературной работы, поручаемой ему друзьями и, главнымъ образомъ, Ник. Вяч. Якушкинымъ, живя въ очень тяжелыхъ условіяхъ, онъ быстро сталъ сдавать, оглохъ и, не вынесши лишеній, преждевременно скончался.

Два брата Якушкины, внуки декабриста И. Д. Якушкина, были выдающимися студентами и обаятельными людьми; очень культурные люди, способные и отзывчивые, общаться съ которыми доставляло мнѣ большое наслажденіе. Младшій, Иванъ Вячеславовичъ, будучи молодымъ студентомъ, писалъ статьи на экономическія темы. Одна изъ нихъ была помѣщена въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и подписана — «Я». Одинъ изъ ученыхъ, анализируя эту работу, и полагая, что подъ заглавной буквой «Я» скрывается авторъ ея проф. Янжуль, очень бережно и съ несомнѣнными знаками вниманія по отношенію къ маскиту автору, критиковалъ эту статью. И. В. Якушкинъ рано покинулъ Институтъ, перейдя въ Петровско-Разумовскую Академію. Онъ, насколько я знаю, живъ, академикъ и специалистъ по выращиванію овощей и злаковъ въ сѣверныхъ полосахъ Россіи и Сибири. Старшій братъ, Николай Вячеславовичъ, былъ также, какъ и я, очень друженъ съ Юровскимъ, и наши блужданія втроемъ бѣлыми ночами по Сосновкѣ съ безконечными спорами о разрѣшеніи со-

кровенныхъ вопросовъ, свойственныхъ нашему юношескому идеализму, живы въ моей памяти, какъ лучшіе моменты моей студенческой жизни. Еще будучи студентомъ, Якушкинъ много занимался философій. Въ Россіи онъ жилъ литературнымъ трудомъ. Очень хрупкаго здоровья, очень нервный, болѣзненно реагирующий на всякую несправедливость, онъ скончался лѣтъ 10 тому назадъ послѣ очень серьезной операціи.

Выпускные экзамены закончены. Съ большою радостью я выхожу съ послѣдняго экзамена. Все впереди: сколько надеждъ и упованій, сколько вѣры въ себя и въ то, что все преодолѣшь; нѣтъ никакихъ преградъ: жизнь представляется такой восхитительно прекрасной, даже духъ захватываетъ...

Но вдругъ глубокая печаль смѣняетъ это восторженное настроеніе. Печаль отъ разлуки съ чѣмъ-то дорогимъ и близкимъ, ставшимъ роднымъ. Кругомъ нѣтъ никого; я прильну къ бѣлымъ стѣнамъ, какъ бы желая ихъ обнять..... Прощайте!

45 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Уже почти никого не осталось въ живыхъ изъ тѣхъ, кто былъ нашими учителями, и ряды нашихъ сверстниковъ тоже сильно порѣдѣли. Съ годами ушли надежды и вѣра въ прекрасное, улѣтучилились радужныя мечты юныхъ лѣтъ. Силь меньше стало. Жизнь тоже не идетъ.

Но если вѣра въ правду и высокое назначеніе человека осталась въ каждомъ изъ насъ непоколебленной, то въ этомъ немалая заслуга нашихъ учителей, которые сумѣли вдохнуть въ насъ это пламя.

Вѣчная имъ благодарность и вѣчная имъ память!

Г. К. Федяевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, КАКЪ ВЫСШАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Воспоминанія инж.-электрика Н. И. Ципкевича.

Въ текущемъ 1952 году исполняется 50 лѣтъ со дня основанія С.-Петербургскаго Политехническаго Института, которому въ 1910 г. было присвоено названіе С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго. Въ данное время онъ называется Ленинградскимъ Политехническимъ Институтомъ имени М. И. Калинина.

Я студентъ пріема 1904 г. и инженеръ-электрикъ выпуска 1910 года. Въ этомъ году я насчитываю за собой 39 лѣтъ инженерной работы, такъ какъ почти 4 года были потеряны на періодъ войны, революціи и эмиграціи. Моя инженерная работа была технически разнообразна и интересна; сверхъ того, она меня всегда хорошо обеспечивала матеріально. Я все еще до сего дня продолжаю работать въ качествѣ инженера. Анализируя нынѣ свою прошлую и настоящую дѣятельность, я, какъ навѣрно и сотни другихъ питомцевъ нашего Института, прихожу къ заключенію, что многими успѣхами въ жизни мы обязаны образованію и воспитанію, полученнымъ въ Институтѣ; поэтому мнѣ хочется, по случаю наступающей юбилейной даты, рассказать, какимъ Институтъ былъ въ наши дни и почему онъ могъ намъ дать не только техническія знанія, но и научить насъ работать, воспитать въ насъ характеръ и волю и развить навыки къ совѣстной работѣ съ людьми и къ общественной дѣятельности.